

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 13 октября
1934 г.

г. Москва

Клуб интересных встреч

НЕ ПРИЗНАЮ ОДНООБРАЗИЯ

Ростановский Сирано де Бержерак и мольеровский Дон Жуан, дядюшка Адуев в «Обыкновенной истории» И. Гончарова и Джерри Райн в «Двое на качелях» У. Гибсона... Эти и многие другие роли принесли Михаилу Козакову известность и признание как зрителей, так и критиков. Но это лишь одна из граней его таланта. Народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, актер и режиссер Михаил Козаков выступает с сольными концертами как чтец, записывает поэтические пластинки, ставит фильмы на телевидении. Премьера одного из них — «Играем басни Крылова» — недавно состоялась по первой общесоюзной программе.

Михаил Козаков, которому завтра исполняется 50 лет, наш гость.

— Чем встречаете пятидесятилетие, Михаил Михайлович?

— Счастлив, что жизнь наполнена работой.

Сейчас приступил к постановке на телевидении театрализованного фильма-концерта по «Фаусту» Гете. Он будет состоять из монологов и диалогов Фауста, которого играю я, и Мефистофеля — его играет З. Гердт.

На «Мосфильме» вот-вот начнутся съемки водевиля Э. Лабиша «Путешествие Перришона». В Те-

атре имени Ленинского комсомола в разгаре репетиции роли Полония в «Гамлете», которого ставит Г. Панфилов. К этому могу добавить, что недавно закончил озвучивание своих ролей в кинокомедии «Лопух и Виктория» и телефильме по А. Чехову (режиссер — В. Мотыль). Все это мне чрезвычайно интересно и все по душе. А это главное.

— Выходит, работа для вас — сплошной праздник. Есть ли будни?

— Дело в том, что и будни могут стать праздником. Все зависит от человека, от его отношения к делу. Я, скажем, процесс люблю больше, чем результат. Привлекает поиск. И наградой за труд считаю возможность продолжать работу, ставить и играть то, что волнует, то, что интересно.

— А как вы начинали?

— Смотря что считать началом. Самодеятельность ли школьную мою? Дипломные ли спектакли в Школе-студии МХАТа? Или роль Гамлета в Театре имени Маяковского у Охлопкова? Вообще к актерству страстился довольно рано. Сначала записался в

кружок во Дворце пионеров, читал стихи. Потом в школе начали ставить спектакли...

— Вы играли скептиков, циников, играли Сирано и Дон Жуана...

— Видите ли, исповедую принцип перевоплощения. Терпеть не могу однообразия в игре. Я актер характерный. А роли... Роли влияют, точнее, влияют писатели, драматурги, которые их создали. Но это не значит, что, играя Сальери, и в жизни становясь завистником. Наоборот! Может, играя Яго или Тартюфа, я как раз выплескиваю из

себя все худшее. И со стихами также — выбираю их я — но они меня формируют...

У Козакова несколько сольных программ. Он читает Пушкина и Тютчева, Блока и Ахматову, Лермонтова и Цветаеву. Читает, «вживаясь» в автора, в его мысль, настроение, интонацию. Отсюда те естественность и простота, глубина и неповторимость, с которыми звучит каждое стихотворение.

— Что дают вам, Михаил Михайлович, чтецкие выступления?

— Это внутренняя потребность, еще один способ самовыражения. Поэзию люблю безгранично, и святое отношение к ней воспитано, а вернее сказать, впитано с детства. К моему отцу, писателю М. Козакову, нередко заходили А. Ахматова и М. Зощенко, Е. Шварц и другие. В такой атмосфере рядом со столькими талантливыми людьми просто невозможно было вырасти глухим к литературе, поэзии.

— Интересно, а какому зрителю вам приятно нравиться?

— Не читаю и не играю, чтобы понравиться. Для меня есть два понятия: зала как целого, и

воображаемого «я», сидящего в этом зале. Быть понятым и принятым зрителем и не упасть в собственных глазах — вот эти задачи перед собой ставлю...

Задачи, прямо скажем, не из легких, особенно если знать взыскательность и требовательность, с которыми М. Козаков подходит к своим работам. Казалось бы, все уже отрепетировано, отобраны краски, выделены тона и полутона, а Козаков еще и еще раз выверяет сделанное, ищет новые варианты, шлифует и отрабатывает найденное.

— Я за фанатизм в искусстве, — говорит Михаил Михайлович. — Но такое отношение к нему отнюдь не исключает саммиронии, без которой художнику грозит опасность превратиться в самодовольного ремесленника. И успехи, и неудачи легче переживаются, если относиться к ним с юмором.

— И последний вопрос: какую роль в вашей жизни играет Москва?

— С ней связано столько дорогих мне событий, что вряд ли возможно даже перечислить их... А если кратко — то свою любовь к Москве я постарался передать в телефильме «Покровские ворота».

Е. ЦЫГАНКОВА.